

Виктор вернулся в замок ближе к полудню и, вызвав дворецкого, передал ему суть того, что произошло в солеварне, и, отдав соответствующие приказы, сразу направился в Айронвуд, где он собирался провести мероприятия, призванные наказать нападавших, не дав им получить той выгоды, на которую они рассчитывают.

Пока он ехал по слегка промёрзшей грязи, в его голове крутилось масса мыслей, и все они были связаны с произошедшим.

— Барон, что вы намерены предпринять? — спросила Линея, вырывая его из размышлений.

Виктор посмотрел на девушку, сопровождающую его, и заметил в её взгляде сомнения или, может, страх. Он не мог разобрать это, но она явно отличалась от себя обычной.

— Я планирую найти и наказать тех ублюдков, что это сотворили, но для начала сделаю так, что они не поймут никакой выгоды от этой ситуации, — ответил лорд, давая понять, что не желает продолжать этот разговор.

Весь оставшийся путь они ехали молча, и только в Айронвуде, встретив Шону, он снова пришёл в себя, вспомнив свой план.

Когда девушка предстала перед ним, на этот раз поклонившись ему, Виктор, слезая с лошади, снова подумал о ситуации, увиденной на складе. Как бы то ни было, эта девушка была в его вкусе, и он проклинал виконта за то, что подсунул ему такую очаровательную шпионку.

— Сообщите всем торговцам, что я собираюсь продать способ приготовления соли на аукционе, — приказал Виктор, передав уздечку рыцарю.

Девушка посмотрела на него, потом на Линею и снова перевела взгляд на него.

— Милорд, что такое аукцион? — спросила девушка.

«В смысле? Тут точно есть аукцион, я видел это в памяти предыдущего владельца».

Виктор начал рыться в воспоминаниях и видел там это мероприятие, вернее, упоминание того, что граф на торгах выиграл меч, а сам процесс они называли просто — торги.

— Я собираюсь выставить метод изготовления на торги, первые пять самых крупных ставок получают его, — немного перефразировав, сообщил лорд.

Девушка теперь совсем запуталась, потому что это просто нескончаемый поток денег, так зачем его продавать? Однако такое решение не могло быть принято спонтанно, стало быть, лорд всё обдумал, и ей было глупо оспаривать его решение, но это также означало, что об этом надо доложить виконту.

— К слову, прежде чем сообщите виконту об этом, передайте ему также, что этот метод будет скоро известен многим, не стоит за него переплачивать, — улыбнувшись, сообщил Виктор, давая ей понять, что он не дурак.

— Я-я не соб... — Девушка собиралась заговорить, но лорд остановил её жестом руки.

— Не стоит думать, что вы умнее меня. Вы работаете здесь не потому, что вы с виконтом такие умные, а потому, что я вам это позволил. И мне действительно нужен управляющий. — Виктор сказал это с улыбкой, однако сразу после этих слов его лицо стало серьезным. — Но если вы

продолжите в том же духе, я убью вас быстрее, чем вы с виконтом поймете, насколько сильно ошибались.

Девушка дослушала до конца, но не выглядела испуганной этими словами или сбитой с толку.

— Милорд, виконт действительно прислал меня сюда, и это не скрывалось, — спокойным тоном заговорила Шона. — Но я не получала от него никаких поручений, кроме того, чтобы я служила вам, как своему новому господину. Он также дал мне это...

Девушка полезла в широкий рукав, вытащив оттуда небольшой кусок пергамента.

Виктор развернул его и нашёл прямо в заголовке, крупными, красивыми буквами написанное слово «Вольная».

Виктор даже на секунду засомневался в своих выводах, потому что такие бумаги выдавались крепостным и означали, что человек отныне свободен, только вот была одна «ма-а-аленькая» загвоздка: крепостных не учат этикету, а стало быть, перед ним дворянка, возможно, из разорившегося рода, и эта бумажка ничего не значит, являясь ширмой, за которой они прячут свой обман.

— Ладно, будем считать вопрос закрытым, — произнёс Виктор, не желая продолжать эту тему.

После чего он перешёл к аукциону, который планировал провести, но даже здесь он захотел ввести некоторые инновации, касающиеся одежды. Правда, немного в отдалённом будущем, но его мозг не прекращал генерировать новые идеи, особенно те, что призваны облегчить его жизнь.

Он очень хотел внедрить в этом мире нормальную одежду, которую не придётся надевать с помощью слуг, но между ним и комфортом стояла целая пропасть из проблем.

— Хорошо, сообщите всем торговцам, что торги будут проведены через два дня, — приказал Виктор.

Девушка задумалась, не решаясь заговорить, но в этот раз всё же решила возразить.

— Милорд, не лучше ли дать торговцам больше времени на то, чтобы они могли вернуться с большей суммой? — спросила она.

Конечно, это было логичнее, но чего хотел Виктор — это не дать убийцам нажиться на этом даже медной монеткой, а с другой стороны, дать понять торговцам, которые упустят выгоду в этот раз, что такое может повториться.

Виктор собирался ответить, когда прибежал стражник и встал по стойке смирно, ожидая, пока лорд обратит на него внимание.

— Что случилось? — спокойно спросил Виктор у него.

— Милорд, в Эроне напали на девочку, и Налита сообщила, что сейчас её лечат, но она сказала, что вас это должно заинтересовать, — сообщил стражник.

— Ты был с ней в Эроне? — уточнил лорд.

— Да, милорд, я прибыл сюда по просьбе Налиты.

«Что происходит? Меня бы не стали тревожить из-за нападения на ребёнка крепостного, даже из-за смерти меня вряд ли посмели «вызвать» в другую деревню».

Он начал обдумывать то, что услышал, совсем забыв про Шону, которая всё ещё ожидала указаний.

— Шона, делай то, что я сказал, — отдав подобный приказ, он пошёл к лошади и, вскочив на неё, поскакал в сторону южной деревни.

Через приблизительно два часа он был в деревне, где его встретили ещё трое солдат и провели его в дом старосты.

Когда он вошёл внутрь, ему в нос ударил резкий запах крови, а в тёмном помещении явно сустились люди... Только спустя время его глаза приспособились к темноте, и он увидел картину, от которой ему стало дурно.

Девочка лет восьми лежала на койке в углу комнаты. Она была вся в ранах, словно кто-то долго и упорно резал ее, стараясь не оставить ни одного живого места.

Налита – вся в крови девочки – старалась остановить кровотечение, и кое-как, с помощью других медсестёр, ей это удавалось. Но если даже она спасёт её, он был уверен – девочка не жилец.

Виктор заговорил со стражником у себя за спиной.

— Скажи в Селитас, позови священника, — отдав приказ, он обратился к Налите. — Что произошло?

Только теперь девушка заметила лорда, стоящего у неё за спиной и повернувшись начала говорить, со слезами на глазах.

— Милорд, мы нашли её в овраге у леса, в северной части деревни. Неизвестно, кто это сделал, а сама девочка без сознания.

«Это каким надо быть моральным уродом, чтобы сотворить такое? У нас завёлся маньяк?»

Виктор даже в такой темноте насчитал как минимум пять ранений, он действительно был поражён желанием этой девочки выжить.

Лорд повернулся к выходу и, приказав страже указать дорогу к тому месту, где нашли девочку, последовал за ними.

Через десять минут они стояли у оврага, где были видны следы крови, и, судя по ним, удары ей нанесли прямо тут, ведь не было видно, что тело куда-то тащили.

«Её сбросили сюда и били ножом или мечом, пока она не потеряла сознание? Да какого хрена? Зачем это делать?»

Он совершенно не понимал, почему кто-то решил убить ребенка. Ведь, судя по ее одежде, она была крепостной. А нападение на крепостного будет расценено как покушение на имущество лорда, что означает стопроцентную смертную казнь.

Не видя, что ещё он может тут узнать, Виктор направился обратно к дому старосты, где просидел почти шесть часов, наблюдая, как медсёстры отслеживают состояние девочки и

уговаривают её не сдаваться. Хотя вряд ли она что-то слышала, но это лучшее, что они могли сделать.

Только когда пришёл священник, что зачитал заклинание света, все наконец-то выдохнули, ведь заклинание не только полностью остановило кровотечение, но и слегка заживило раны.

Виктор попросил священника остаться в деревне до полного излечения девочки, а сам направился в замок.

На самом деле лорд хотел узнать у Налиты, зачем его вызвали, но подумал, что девушка могла перенервничать или решила, что лорд — сострадательный человек и не оставит эту ситуацию без своего внимания.

Дело не в том, что он жестокий человек, а в том, что на территории постоянно кто-то умирал. Пусть и меньше, чем раньше, но болезни и голод с его территории никуда не делись.

Настолько жестоких преступлений, конечно, не случалось, но на такой случай имеется дворецкий, который отметит происшествие и прикажет страже выяснить ситуацию.

Виктор долго думал над всем, что произошло, сам не заметив, как оказался у ворот замка, где солдаты огорошили новостью о том, что появился долгожданный первый экземпляр бумаги, и дворецкий прямо сейчас принимает человека, создавшего её.

Когда он услышал эту новость, то ему с трудом удавалось сдерживать эмоции, и, тут же спрыгнув с лошади, прямо-таки побежал в замок, где на входе встретил дворецкого и мужчину в обычной одежде. По виду это был кто-то из недавно прибывших, потому что все коренные жители его территории ещё носили свои старые обноски и не получили новую одежду.

— Милорд, этот человек утверждает, что сделал то, что вы просили, — сообщил дворецкий, протянув ему экземпляр бумаги.

Виктор аккуратно взял её в руки и стал очень бережно гладить её, пытаясь не повредить.

Бумага была светло-коричневого цвета и имела очень неровную текстуру, однако её уже можно было считать бумагой.

Он приказал принести письменные принадлежности, и после того, как их принесли, начал писать на ней.

Она очень хорошо впитывала чернила, а главное — они не просачивались на другую сторону. Однако была проблема — бумага была слишком тёмной для письма, и её невозможно было свернуть, так как сразу же начинала ломаться.

Но это всё были мелочи, которые можно было исправить, если продолжить эксперименты.

Виктор был очень счастлив и приказал немедленно заплатить мужчине, которого звали Шом. Он уже собирался пройти в замок, но его задержал прискакавший солдат.

— Милорд, Налита сообщила, что пострадавшая девочка пришла в себя, — сообщил он, запыхавшись, будто бежал весь этот путь, а не скакал на лошади.

— В чём проблема? Мы уже ищем того, кто это сделал, — спокойно ответил лорд, ожидая подробностей.

— Милорд, Налита сказала, что девочка сирота и долгое время ходила по лесу, собирая разные растения, дабы создать бумагу, — сообщил солдат.

Сердце Виктора пропустило удар в этот момент, он так встревожился, что не заметил, как сжал бумагу. Ему пришла в голову ужасающая мысль.

Он боялся, что его идея могла привести к убийству ребёнка, ведь, как бы то ни было, косвенно, но это была бы его вина, но вдруг он кое о чём подумал и посмотрел на мужчину, принёсшего ему бумагу.

«Погодите, а ведь я даже не спросил, как он её сделал. Даже рецептом не поинтересовался... Я что, совсем идиот?»

Он так привык, что его никто из простолюдинов никогда не пытался обмануть, и был настолько взволнован новым изобретением, что попросту забыл обо всём на свете, даже приказал заплатить мужчине, предварительно не узнав рецепта.

Виктор с гневным лицом посмотрел на мужчину, желая разорвать его на мелкие куски.

— Если ты не сможешь повторить создание бумаги, я заставлю тебя пожалеть о том, что ты родился!

Этот, в его глазах «таракан», чуть не заставил его стать соучастником убийства ребёнка. Даже мысль о том, что на нём будет частичная вина за произошедшее, уже застилала ему глаза от гнева, но не выживи эта девочка, он точно бы разорвал его, окажись мужчина виновен.

Виктор продолжал смотреть на него, а солдаты обнажили мечи, направив те на мужчину. Линей встала перед Виктором, также направив свой меч на мужчину, и, судя по её лицу, она была в ещё большем бешенстве, чем лорд: её меч дрожал, а лицо исказилось в ужасной гримасе.

Шом был бледный, как снег, и ничего не говорил, но, видя, что деваться некуда, он упал на колени, начав просить прощения, о чём-то умолять... Но лорд его уже не слушал, он пытался сдержаться, дабы снова случайно не использовать навык «Фанатизм».

Успокоившись немного, Виктор приказал запереть мужчину в темнице и на будущее сразу решил обрубить такие вещи на корню.

«Первым делом надо прилюдно казнить мужчину, сообщив всем людям о его преступлении, а во-вторых, необходимо установить законы вотчины, которым будут следовать все».

В голове мысли сверкали, как искры, так и мелькало желание прямо сейчас убить этого мужчину, но в то же время «пролетали» мысли о том, как сделать всё правильно. И в таком смятении Виктор покинул двор, и только оказавшись в своём кабинете, он смог выдохнуть.

— Чёртов мир в очередной раз показал своё уродливое лицо, здесь даже могут убить ребёнка за монету! И я был слишком опрометчив... Я просто идиот! Оставшись наедине, он ругал себя за то, что вообще допустил подобную ситуацию и что едва не упустил виновника произошедшего, чуть не заплатив при этом ему же за «создание» этой треклятой бумаги.